

УДК 343

Черепанова Н.В.

магистрант

Уральский институт управления – филиал ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»
Россия, г.Екатеринбург

**МОДЕЛИ ВОСПРИЯТИЯ КОРРУПЦИОННЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РАКУРСЕ ТИПОЛОГИИ ПРАВОВЫХ СЕМЕЙ**

Аннотация: в статье раскрываются модели восприятия должностных коррупционных преступлений в ракурсе типологии преступления в основных правовых семьях.

Ключевые слова: правовая семья, правовая система, компаративистский анализ, преступление, должностное преступление, коррупция.

Cherepanova N.V.

Master's student

Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Yekaterinburg

**MODELS OF PERCEPTION OF CORRUPTION CRIMES IN THE
PERSPECTIVE OF THE TYPOLOGY OF LEGAL FAMILIES**

Annotation: the article reveals the models of perception of official corruption crimes from the perspective of the typology of crime in the main legal families.

Key words: legal family, legal system, comparative analysis, crime, malfeasance, corruption.

В сфере уголовного права особенности типологий правовых систем проявляются, главным образом, в характеристике основополагающей категории данной отрасли – понятия преступления.

Как отмечает Д.Э. Удалов, «в уголовно-правовой доктрине англо-саксонской правовой семьи преступление определяется как совокупность двух элементов: *actus reus* (материального) и *mens rea* (психического), которые составляя *corpus delicti*, выступают основанием уголовной ответственности. В связи с этим, к примеру, в Великобритании отсутствует отдельное законодательное определение понятия преступления.

Романо-германская правовая семья трактует понятие «преступление» с иной точки зрения, нежели англо-саксонская. Так, уголовное законодательство стран континентальной Европы, например, Уголовный кодекс Швейцарии от 21.12.1937, классифицирует преступные деяния на три вида – преступления, проступки и нарушения (ст. 9, 101). При этом основные их отличия заключаются в степени уголовной ответственности: преступление влечет за собой такое наказание, как каторжная тюрьма, за проступок предусмотрено тюремное заключение, а нарушения, как правило, наказываются штрафом или арестом [Удалов 2018: 70-75]. В системе российского права, относящегося к романо-германской правовой семье, четко закрепилось разделение противоправных действий на уголовные преступления и иные правонарушения: административные, дисциплинарные, гражданские и др.

В свою очередь, в науке уголовного права особую актуальность в настоящее время в парадигме типологий правовых систем приобретают исследования моделей восприятия коррупционных преступлений. Вместе с тем нельзя не отметить, что как в отечественной, так и зарубежной юриспруденции традиционно принято выделять четыре модели восприятия коррупции: африканскую, латиноамериканскую, азиатскую и европейскую.

Особенность африканской модели обусловлена родоплеменным способом организации публично-властных взаимоотношений. В силу этого властные полномочия принадлежат основной группе людей (племени/клану), которые разделяют между собой основные сферы влияния и контроля. Далее данные сферы влияния поддерживаются при помощи традиций и обычаев.

Характерными чертами латиноамериканской модели является акцентирование позиций на сильные теневые секторы экономики. При этом важную роль играют влиятельные криминальные авторитеты. Таким образом, создается постоянное противостояние теневого и государственного сектора.

В азиатской модели коррупция не рассматривается как негативное явление, оно скорее обусловлено экономической необходимостью. В рамках данной модели страны не противостоят коррупции, а наоборот активно используют ее для повышения эффективности функционирования государственных структур.

Для европейской модели характерен невысокий уровень коррупции, который поддерживается, главным образом, при помощи активного функционирования института гражданского общества, сопровождающегося институциональными и организационными мерами противодействия коррупции [Рубан 2019: 172-180].

Компаративистский подход к анализу институтов Особенной части уголовных кодексов различных стран «предполагает, - как верно отмечают

Л.Н. Бикинеева и Е.Б. Калашникова, - определение общего понятия соответствующей группы преступлений и их места в системе институтов Особенной части УК конкретного государства» [Бикинеева, Калашникова 2019: 45-49]. При этом в УК одних стран коррупционные преступления включены в разделы должностных преступлений в целом, в других выделены в самостоятельные разделы.

Так, в УК Италии должностные преступления объединены в рамках гл. 1 «О преступлениях должностных лиц» раздела II «Преступления против публичной администрации». В УК ФРГ структурирована гл. 2 «О покушениях на государственные органы, совершаемые лицами, исполняющими служебные функции» в разделе III Книги четвертой. Уголовный закон Дании так же выделяет специальную главу 16 «Преступления, совершенные при осуществлении государственной функции». В УК РФ должностным преступлениям посвящены нормы главы 30, входящей в раздел X «Преступления против государственной власти»» [Грошев, Матеуш 2020: 15-24]. В УК КНР от 14.03.1997 составы коррупционных преступлений, связанные с государственной службой, представлены в двух главах (главе 8 «Коррупция и взяточничество» и главе 9 «Должностные преступления») [Пан 2018: 248-257].

Заслуживает внимания и то, что в различных правовых семьях должностные и прежде всего коррупционные преступления, дифференцируются на отдельные группы. В частности в романо-германской правовой семье, например, во Франции система должностных преступлений состоит из трех групп преступных деяний:

- 1) злоупотребления властью, посягающие на управление;
- 2) злоупотребления властью, посягающие на права частных лиц;
- 3) нарушение долга порядочности.

Первая группа преступных деяний, связанная со злоупотреблением властью, посягающим на управление включает в себя такие деяния как,

деятельность, имеющая своей целью воспрепятствование исполнению закона; осуществление полномочий публичного должностного лица после официального их сложения. Вторую группу деяний составляет дискриминация физических или юридических лиц со стороны должностных лиц Третья группа включает в себя такие преступные деяния как взяточничество, незаконное получение выгод и преимуществ и т.д. [Якоби 2018: 73].

В плане совершенствования отечественного антикоррупционного уголовного законодательства следует обратить внимание на имеющиеся на этот счет правоположения англо-саксонской правовой семьи, в частности, США. Дело в том, что в этой стране на конституционном уровне закреплен запрет на извлечение какой-либо выгоды, кроме официальной заработной платы, для служащих органов публичной власти. Так, согласно Конституции США «ни одно лицо, занимающее какую-либо приносящую доход или официальную должность на службе Соединенных Штатов, не должно без согласия Конгресса принимать какое-либо подношение, вознаграждение, должность или титул любого рода от какого-либо короля, принца или иностранного государства» (ст. 1 разд. 9). Вместе с тем лицо, состоящее на государственной службе, имеет право принять подарок от представителя иностранного государства в качестве сувенира или знака вежливости. «При этом стоимость его не должна превышать "минимальной стоимости", что означает самую низкую цену предмета дарения в розничной продаже на территории США к моменту получения подарка должностным лицом» [Семенок 2019: 118-121].

Поэтому в США уголовная ответственность исключается лишь в тех случаях, когда публичный служащий получает вознаграждение либо предусмотренное законом, либо связанное с отношениями родства, дружбы, с личными, деловыми или профессиональными контактами, если

при этом не возникает опасность для беспристрастности и честности должностных лиц [Давидян 2018: 20-21].

Использованные источники:

1. Удалов Д. Э. Сравнительная характеристика уголовно-правовых систем стран мира // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности. – 2018. – С. 70-75.
2. Рубан А. А. Европейская модель борьбы с коррупцией (на примере Германии) // Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики. – 2019. – С. 172-180.
3. Бикинеева Л. Н., Калашникова Е. Б. Антикоррупционные меры в России и в зарубежных странах // Modern Science. – 2019. – №. 10-3. – С. 45-49.
4. Грошев А. В., Матеуш А. Ж. Г. Ответственность за должностные преступления по уголовному законодательству России и стран Континентальной правовой семьи (сравнительный анализ) // Восточноевропейский научный журнал. – 2020. – №. 5-4 (57). – С. 15-24.
5. Пан Д. Уголовно-правовое противодействие коррупции в Китае и России // Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: становление полицентрического миропорядка и потенциал международного права и сравнительного правоведения. – 2018. – С. 248-257.
6. Якоби Г. С. Проблемы определения виновности в немецком уголовном праве (на примере преступлений коррупционной направленности) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – №. 6 (73).
7. Семенок М. Ю. Сравнительный анализ уголовного законодательства зарубежных стран о противодействии незаконному образованию юридических лиц // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS. – 2019. – С. 118-121.

8. Давидян Н. А. Сравнительный анализ уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за должностные преступления по УК РСФСР и УК РФ //Аллея науки. – 2018. – Т. 7. – №. 6. – С. 20-23.